

Д. Д. Миронов

Субъект и культура: механизм идентификации

В статье рассматривается механизм процесса идентификации. Центр этого механизма выстраивается из особенностей психической деятельности субъекта. Культура полагается как необходимость осуществления человеческого в субъекте. Вводятся необходимые переменные, обуславливающие взаимоотношение субъекта и культуры.

Ключевые слова: культурная идентичность, механизм идентификации, восприятие, апперцепция, эмпатия

Denis D. Mironov

Subject and culture: the mechanism for identifying

In the article describes mechanism of the identification process. The Centre of this mechanism is built from the features of mental activity of the subject. Culture posited as the need for a human in the subject. Enter the required variables are driving the relationship of subject and culture.

Keywords: cultural identity, identification mechanism, perception, apperception, empathy

В ранее опубликованной статье¹ мы определяли культурную идентичность в рамках различных теоретических положений. Междисциплинарный подход, взятый нами в качестве инструмента исследования, позволил обнаружить два широких концептуальных направления, по-своему определяющих процесс культурной идентификации.

Как мы отмечали, концепции первого порядка (юнгианская школа, примордиализм, школа Анналов) придерживаются соображений, что культура обусловлена преимущественно заданными субъективными содержаниями, такими как психическое бессознательное, «кровь», менталитет, психологический тип. И, соответственно, культурную идентичность при таких подходах следует рассматривать как результат тождественности заданным содержаниям, от которых культура непосредственно и зависит. Интерсубъективная и константная по своей природе, такая идентичность требует лишь внимания и чуткости к себе.

Концепции второго порядка (социальной детерминизм, инструментализм, конструктивизм) стоят на противоположной позиции, объясняя культуру внешне конструируемыми формациями. В одних из них субъект предстает *tabula rasa*, на котором общество «вписывает», необходимые для его функционирования «программы» и задает модели поведения и мышления. Культура здесь рассматривается как «общественный договор», которой для успешной идентичности должен принимать и, вероятно, даже не может не принимать субъект.

Относительно других теоретических по-

ложений второго порядка (фрейдизм, постмодерн), субъект является носителем инстинктов, культура же рассматривается как репрессивный механизм, выработанный, опять же, для более успешной жизнедеятельности социума. Другими словами, культура есть набор инструментов, при помощи которых общественные формации (народы, нации) добиваются необходимого существования.

Исходя из принципов такого типа концепций, культурную идентичность можно представить как усвоение (присвоение), выработанных норм, паттернов, сконструированных образов действия.

Наиболее выигрышным в нашем положении было бы принять некоторые принципы выдвигаемых теорий, выработанных двумя широкими направлениями, не вдаваясь в крайности каждой из них. А именно: рассматривать субъекта не как носителя заданных культурных образований, какими бы способами они не фундировались: «кровью», менталитетом, психическим коллективным бессознательным, но и не объяснять его идентичность в культуре через интериоризацию конвенциональных культурных образований, опосредованных «общественным договором».

По нашему мнению, существуют потенции и возможности, которые стремятся быть воплощенными в личности. Эти потенции являются заданными и, притом, общечеловеческими. А вот пути для реализации потенций и возможностей субъекта (и шире обществ как субъектов) могут быть самыми разнообразными и зависят от исторической необходимости.

Субъект и культура: механизм идентификации

Культура есть тот способ, с помощью которого субъект осуществляет свои потенции. Стать личностью возможно лишь в культуре. Личность это и есть человек-в-культуре или субъект-через-культуру.

Субъект обусловлен средой. Фактом рождения он принадлежит к тем условиям, которые его породили и на начальных этапах «вскормили». Но культура не столько делает человека, сколько помогает ему **быть** человеком.

«Человек не равен Ничто. И то же самое можно сказать и о культуре. Она – не среда, творящая человека по своему образу и подобию (если бы это было так, то пустота и не породила бы ничего, кроме пустоты!), она есть, как говорил М. К. Мамардашвили, „усилие человека быть человеком“, т. е. культура и человек **бытийственно сопряжены**, они не могут существовать друг без друга»².

Человек без культуры это превращение его в чистую возможность, это нивелирование духовного пути человечества, это отбрасывание его назад в «колыбель» человечества, это «все сначала». Культура без человека вообще не представляется даже в возможности.

«Культура в ее сущностном смысле является воплощением самой очеловеченности человека в формах, создаваемых им, разнообразных, и с самого начала истории дающих возможности культурной реализации»³.

Итак, культура есть условие для реализации потенциальных возможностей субъекта. Потенции и возможности мы понимаем как запросы человеческого духа. Но для их реализации необходима человеческая среда, через жизнь в которой человек и может сбываться как человек.

С рождения погруженный в человеческую среду, субъект начинает формироваться как человек, взаимодействуя с этой средой. В процессе взаимодействия во внутреннем мире субъекта появляется доминанта «Я». «Я» начинает служить признаком самополагания субъектом самого себя через определенный набор связей и значений. В «Я» интегрированы различные идентичности, среди которых культурная идентичность представляет собой отдельную область. Мы задаемся вопросом, каким образом происходит освоение человеческой среды и как через это освоение полагается «Я» как начальная комплексная идентичность? И, важное для нас, какое место занимает идентичность культурная?

В своей материальной ипостаси культура обнаруживает себя через символ. Различные символические страты (язык, наука, религия, художественная среда) выстраиваются в си-

стему, т. е., культура, в своем самообнаружении представляется **символической** сферой. Значит, культурная идентичность возможна через взаимодействие с символической действительностью. Понятно, что символические образования культуры реализуются через человека, его деятельность и повседневность. Человек является и носителем культурных содержаний и их выразителем.

Той стихией, которое пронизывает все динамические культурные образования является язык. Он служит адекватному выражению мысли, рождаемой живущим целым человека. Раз мы не имеем возможности передавать мысли в их чистом виде, мы неизбежно должны пользоваться репрезентациями. Как говорил Л. Выготский, «непосредственное общение сознаний невозможно не только физически, но и психологически. Это может быть достигнуто только косвенным, опосредствованным путем»⁴.

Единица языка – слово обладает свойством через свое формальное или звуковое выражение доносить смыслы и значения в нем содержащиеся. Но оно не столько пассивно отражает мысль, оно также вносит свои коррективы. В речевом акте первичная мысль претерпевает изменения. Иными словами «речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове»⁵.

Смыслы, в силу символичности слова, не являются раз и навсегда утвержденными константами, устойчивость смысла каждый раз пересматривается воспринимающим сознанием, «перетворяется» вследствие подвижной смысловой актуальности слова. «Смыслы как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют»⁶.

Эта подвижность смыслового состава языка объясняет само развитие языковых форм, их трансформацию, определяясь общим ходом культурно-исторического движения. И, естественно, значение языка в процессе культурной идентификации сложно переоценить, ибо «никакая другая форма бытия не детерминирует сознание так, как это делает язык»⁷.

Значительный вклад в осознание взаимообусловленности языка и сознания в рамках культурно-исторической психологии сделал А. Р. Лурия.

Проведенные им эксперименты в деревенских селениях Узбекистана в период,

характеризующийся сменой общественно-производственных отношений (период коллективизации, роста уровня образованности среди крестьян) доказывали зависимость способа организации мышления, во-первых, от личного культурного опыта и социальной ситуации времени и, во-вторых, от уровня образованности⁸.

Помимо языка первичными средствами символических репрезентаций являются жесты и различного характера телесные действия, начиная от мимического движения лицевых мускул, заканчивая многосложными обрядовыми организованными действиями. Как писал Мерло-Понти, «тело в той мере, в какой у него есть различные типы „поведения“, является тем странным объектом, который использует свои собственные части в качестве общей символики мира»⁹.

Жесты и мимика часто выступают не только как признаки говорения, сопровождающие речевой акт, но становятся самостоятельными и своеобразными индикаторами каких-либо внутренних состояний, обусловленными столкновением с миром. «На уровне выражения природные значения возникают и передаются в жесте, мимике, с помощью которых человек, как живое тело, открывает для себя мир, создает смысл мира и выражает себя и свое отношение к миру перед „другим“»¹⁰.

Язык, жест, мимика как символические действия все эти явления сопутствуют повседневной культурной жизнедеятельности человеческой среды. «Никакая человеческая жизнь, ни идейная, ни бытовая, повседневная, невозможна без символов, которыми мы пользуемся ежеминутно»¹¹.

Субъект, попадая в человеческую среду, руководствуется теми культурными образованиями, которые свойственны этой человеческой среде. В контексте именно этого взаимодействия с символической стороной человеческой деятельности мы и можем говорить о процессе культурной идентификации. Но с помощью какого механизма происходит это взаимодействие?

Наиболее значительным средством погружения человеческого сознания в мир служит восприятие или, шире, апперцепция. Апперцепция как синтез воспринятых ощущений, переживаний и направленное на этот синтез сознание, дают возможность, во-первых, конструировать образ реальности через усвоение способов представленности мира в символических актах и, во-вторых, в контексте конструируемого образа мира реализовывать деятельность активность.

«В поведении и деятельности человека восприятие – необходимое условие ориентировки в окружающей среде. Перцептивный образ выполняет функцию регулятора действий... В практической деятельности восприятие становится активным, целенаправленным процессом познания действительности»¹².

Здесь мы имеем два уровня восприятия: первичное, относящееся к непосредственному (феноменологическому) постижению реальности в контексте символических актов и вторичное, направленное уже на приобретенные символические способы действия. Во втором случае субъект руководствуется символическими приобретениями, они начинают интегрироваться в его складывающееся «Я». При помощи восприятия субъект обнаруживает свое «Я» через «Другого», где Другим выступает человеческая среда, в которую изначально «вброшен» субъект.

«Первичная связь человека с миром, осуществляемая в восприятии, есть одновременно и первое проявление человеческой субъективности, и первый шаг в созидании мира культуры»¹³.

Важным элементом апперцептивной системы в модусе механизма идентификации является эмпатия. Благодаря эмпатии субъект способен воспринимать чужие переживания как свои.

Но опять же, для того, чтобы определить эмоциональное состояние «Другого» субъект должен руководствоваться некоторыми маркерами, которые позволили ему определить эмоциональное состояние и в последующем «слиться» с ним. Он должен иметь представление о сопровождающих эмоциях определенных признаков и ситуаций, т. е., эмпатия возможна только при наличии представлений о знаковых и символических сопровождениях эмоции. Перенос свои собственные эмоциональные переживания на другого, человек как бы определяет для себя через этого другого способ выраженности определенных эмоциональных состояний. Начинает идентифицировать собственные чувства с выражениями этих чувств у окружающих людей.

Как в ситуации с восприятием эмпатия выступает как «способность человека отождествлять (идентифицировать) один из своих Я-образов с воображаемым образом „иного“: с образом других людей, живых существ, неодушевленных предметов и даже с линейными и пространственными формами. Эмпатия ведет к изменению самосознания, позволяющему мыслить и действовать с позиции нового Я»¹⁴.

Субъект и культура: механизм идентификации

И затем, в дальнейшем, человек использует символические средства репрезентации для выражения определенных эмоциональных состояний, причем содержательная сторона символической акции выражающей чувство насыщается дополнительными смыслами и ценностями, актуальными для того культурного контекста, в котором он находится.

Следует отметить, что в течение жизни, усвоенные в детстве культурные смыслы, ценности и значения, а также способы их выражения, проявляются неосознанно, что называется автоматически. Осевшие в бессознательном, они подспудно влияют на сознание, косвенно регулируя наши действия, т. е., человек зачастую не отдает себе отчета в выборе направленности совершаемого действия или даже направления мысли.

Процесс идентификации в культуре, начинаясь в раннем детстве, продолжается затем всю жизнь, но именно детство выступает тем периодом, где через человеческий контекст субъект определяет тот символический язык, которым он будет пользоваться в дальнейшем и, который, собственно, и закладывает базис первичных культурных идентичностей субъекта.

Но это не значит также, что культурные содержание есть некоторые интериоризированные в психическую структуру человека внешние явления. Человек и в раннем детстве направляет свои действия к чему-либо, и объекты восприятия выборочны.

Подытожив сказанное можно заключить, что культурная идентификация функционально необходимый в модусе осуществления человеческого в субъекте процесс, напрямую зависимый от культурной среды. Культурная

среда понимается как символический контекст, в котором, благодаря работе апперцепции, субъект формируется как человек-в-культуре.

Примечания

¹ Миронов Д. Д. Культурная идентичность: междисциплинарный подход / Молодеж. вестн. СПбГУКИ. 2014. № 1 (3). С. 5–9.

² Порус В. Н. Бытие и тоска: А. П. Чехов и А. П. Платонов // *Вопр. филос.* 2014. № 1. С. 19–33. URL: <http://vphil.ru> (дата обращения: 14. 07. 2015).

³ История мировой культуры: учебник / М. В. Бахтин, В. П. Большаков, Е. П. Борзова, и др.; науч. ред. М. В. Бахтин, В. П. Большаков. М.: 2013. С. 19.

⁴ Выготский Л. С. Мышление и речь / под ред. В. Колбановского. М.: Соцэкгиз, 1934. С. 314.

⁵ Там же. С. 271.

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Бродский И. А. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // *Сочинения*: в 4 т. СПб., 1995. Т. 4. С. 50.

⁸ Лурия А. Р. Культурные различия и интеллектуальная деятельность // А. Р. Лурия. Этапы пройденного пути: науч. автобиограф. М., 1982. С. 47–69.

⁹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента: Наука, 1999. С. 304.

¹⁰ Там же. С. 588.

¹¹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976 С. 200–201.

¹² Большой психологический словарь / сост., общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм–Еврознак. 2008. С. 100–101.

¹³ Мерло-Понти М. Указ. соч. С. 586–587.

¹⁴ Философия: энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: <http://ariom.ru> (дата обращения: 14. 07. 2015).